

Сажаю цветы и пою арии

Профессия **Виталия ЕГОРОВА** угадывается в самом облике артиста Театра п/у Табакова. Как будто сошедший с портрета эпохи Возрождения (до недавнего времени носивший кудри до плеч), с детства любивший смотреть по телевизору балет и фигурное катание, посещавший все возможные художественные кружки — трудно представить для него другую стезю, кроме актерской. На курс Олега Табакова Егоров поступил, уже имея диплом артиста кукольного театра. А сегодня он — один из самых занятых в Табакерке актеров своего поколения, у него — десятки ведущих ролей.

— В одном из интервью вы сказали, что поступили на курс Олега Табакова потому, что у него был недобор. Как это — у Табакова, и недобор?

— В том смысле, что он не смог принять тех, кого хотел. Ряд абитуриентов, в которых он видел интересных актеров, неудачно сдали другие экзамены. Поэтому он устроил "добор". Я тогда служил в рядах Советской Армии и поступил, будучи сержантом. Проучился почти месяц, оставаясь военнотружеником.

— Говорят, в те времена у вас был ярко выраженный украинский акцент. Вам приходилось им пользоваться в профессии?

— Я даже играл на украинском языке в сериале "Эшелон", маленькую роль человека из Харькова, который еще и пел. Потому и согласился сниматься: петь люблю, нахлал туда и украинские песни, и итальянские арии... Украинский — мой родной язык, до 15 лет я говорил только на нем. И сегодня говорю на нем, когда приезжаю к родителям в Корсунь-Шевченковский.

— А кого мечтал сыграть студент Егоров?

— Меня манил романтический герой. Олег Павлович Табakov и Анна Николаевна Петрова (замечательный педагог по сценической речи, которая, кстати, исправляла мой говор) все время выбивали из меня это ложное представление о моем амплу. У Табакова была практика: два раза в семестр мы сами выбирали отрывок, сами готовили его и показывали. Помню, я подготовил отрывок из какой-то юношеской пьесы Лермонтова — совсем романтические сопли. Табakov был в таком гневе! Только к четвертому курсу я понял, что артисту удобнее и интереснее существовать в характерных ролях. Наверное, впервые это почувствовал, играя Левку в "Бумбараше".

— Такое восприятие своего амплу объяснялось вашей внешностью, складом характера или представлением о том, что актер по определению должен быть красивым и всем нравиться?

— Мне, как актеру, действительно хотелось нравиться. Долгое время

моей настольной книгой были "Страдания молодого Вертера". Но романтический театр — это не пик романтизма. Не помню, кто сказал: есть драматическое искусство, но когда страсти зашкаливают, кончается драма и начинается балет, а когда уже не хватает движений, тогда начинается опера. Наверное, это так и есть. Я обожаю оперу.

— Вагнера или итальянцев?

— Больше итальянцев — Верди, Беллини, Пуччини... "Тоска", "Норма", "Сила судьбы"... Наверное, такую музыку уже никто не напишет.

— Подпевае?

— Знаю несколько итальянских арий наизусть. Из "Паяцев", "Силы судьбы". А еще подпеваю Пьяхе и Кобзону, с удовольствием слушаю Бабаджаняна. Или песни Алеша Дмитриевича — учителя Вертинского, исполнявшего русские и цыганские романсы — меня на него Саша Домогаров "подсадил".

— Когда вас учили актерскому мастерству, говорили об актерской "миссии"?

— Это заложено в самом понятии актерской профессии. На сцене нужно играть про любовь, зрителю это всегда интересно. Отношения между людьми — вот суть театра. А по поводу профессии, самое главное, чему научил Табakov, — ремеслу. Последнее мое театральное потрясение — "Так поступаю все" в исполнении труппы "Piccolo Teatro di Milano". Знаете, в антракте я просто не узнавал такие усталые перед спектаклем лица зрителей! В этом и есть, наверное, назначение театра.

— Значит, кроме удовольствия играть, вы видите в профессии иной смысл?

— Последние лет пять видишь, выходя на поклон, что в зале стало больше молодых людей. Подходят и говорят: "Я пришел в театр впервые, случайно. Спасибо большое, мы теперь к вам будем ходить!" — а им по 17 — 20 лет. И я понимаю, что в театре есть смысл. Наряду с Децлом и компьютером.

— Вам не хочется сказать в отношении молодого поколения актеров: "Не тот пошел актер" или "Мы в их возрасте..."?

В. Егоров

— Пришедшие после нас по-другому ощущают себя в этой жизни. Я помню, когда мы студентами приходили во МХАТ играть в массовке, — все, начиная от этих бабушек, божьих одуванчиков, которые сидели при лестнице театральной, давало специфический аромат театра. То же самое в БДТ — когда приезжаешь, понимаешь, что там есть какой-то дух. А для молодых это уже не имеет такого значения, как для нас.

— У вас немалое количество замечательных актерских работ. Но при этом остается впечатление, что их могло быть больше. Вы не нашли своего режиссера или режиссер не нашел вас?

— Что касается театра, то у меня были встречи с прекрасными режиссерами — Бутусов, пригласивший меня в "Воскресение. Супер", или Чхеидзе, предложивший мне роль в "Антигоне". Но был период, когда при достаточном количестве ролей в театре меня мучил какой-то зуд: мои ровесники снимаются в кино, а я? По-

нимал, что чего-то во мне не видят, кроме того, что у меня несколько странная внешность — не героя сегодняшнего дня. Прочитал историю Луи де Фюнеса, который всю жизнь без особого успеха играл на сцене и снимался в кино, а только в 47 стал кинозвездой. Успокоился: как оно происходит, так и должно происходить, не надо делать лишних телодвижений. Мне — 37. Я впервые сыграл в кино два года назад — в "Мамуке" Инзбурга, потом были "Московская сага", сериал "МУР есть МУР".

— Хватает ли вам доходов от хороших проектов, или нужда гонит принимать не очень интересные предложения?

— Я мог бы безбедно существовать, работая в Театре Табакова. Ни в чем себе не отказывая, помогая при этом маме и брату. Но хочется работать больше! Скажем, совсем недавно, летом, я снимался у Андрея Эшпая — всего пять съемочных дней, но я был безумно счастлив! Мне говорили, что у него всегда хорошая компа-

ния. Оказалось, настолько хорошая, что мне даже не очень важно, что из этого получится. Позови он меня на эпизод — пойду!

— Вы отозвались о своей внешности как о странной. Вам совсем не кажется, что вы — красивый мужчина?

— Наверное, интересный. Но мужское представление о мужской красоте отлично от женского.

— Кто тогда красив, на ваш мужской взгляд?

— Джереми Айронс, Дик Богарт...

— Есть какие-то спектакли, которые были вами настолько любимы, что запомнились со студенческих лет?

— Скорее остались в памяти какие-то самые точные места, лучшие монологи. Их держит, наверное, математическая память. (Как ни странно, в школе я любил больше точные науки.) А из самых любимых спектаклей — "Смертельный номер", на котором я окончательно понял, что могу быть артистом. Из последних — "Воскресение. Супер", хотя выпуск был очень тяжелый: Бутусов может быть настолько же ранимым и нежным, насколько извергом, и это прекрасно.

— А как вам современная драматургия?

— Знаете, сегодня многие считают, что написать или поставить современную пьесу означает переписать классику и выпендриться так, чтобы всех поразить. А Пресняковы не пытались "осовременить" Толстого, они переложили его на наш язык. Пьеса мне безумно понравилась сразу, жаль, что авторам приходилось вносить изменения по ходу постановки. Например, в оригинале была сцена: между двумя торевскими сетками — коридор, через который проходит свидание: Катюша и Нехлюдов практически молчат, а их внутренний диалог складывается из обрывков реплик других заключенных: "...Не бей мою лошадь, корми..." "...Я принесла тебе масло, потому что у тебя ноги стертые..." Пронзительная идея! Но это пришлось бы, наверное, репетировать полгода.

— На что хватает свободного времени?

— На цветы, которые я очень люблю — люблю заниматься ими, пересаживать. У меня есть красивые драцены, большая коллекция цветущих фиалок. Знаю все их латинские названия. Поскольку я вырос в частном доме, с детства приходилось работать в саду. Сегодня, когда приезжаю туда, вижу огромные березы и дубы, когда-то посаженные мной.

— Вы ведете дневник? Можете, собираетесь написать книгу?

— В романтической юности писал стихи. А книгу — разве что про то, как рассаживать растения, или кулинарную.

— Ваше пристрастие к кулинарии — влияние мамы, профессионального повара?

— Действительно, и мама и бабушка у меня готовили очень вкусно. Но, поскольку я рано ушел из дома, научиться у них не успел. Постоянно изобретаю блюда из того, что случайно оказывается в холодильнике. Получается довольно экзотично. Люблю угощать этим друзей: когда все собираются за столом, новым блюдам совместно придумываются названия.

— А есть ли в вашем интерьере предметы, привезенные из родного города?

— Есть старая икона, которую я нашел на чердаке, — почти все изображение стерто, кусочек дерева, который пробит дырочками, — это кусочек дома. Есть детские фотографии, фотография совсем молодой мамы, а на кухне — какие-то миски, ступка и глиняные кувшины, привезенные с Украины.

— Виталий, если бы в Табакерке было принято, как в Малом театре, писать заявки на роли, вы бы что написали?

— Я могу и не писать — просто подойти к Олегу Павловичу и сказать: "Вот есть вещь абсолютно гениальная, как бы режиссера найти, чтобы поставить вот это..." Он, как человек мудрый, всегда прислушивается. И однажды я заявил: "Я уже дорос до такого возраста, чтобы сыграть в "Шербурских зонтиках" — такая музыка, такая история!" Олег Павлович ответил: "Старик, слушай, это же хорошо! Этого сейчас так не хватает! Это будут смотреть!" Но оказалось, что проблематично получить права — какие-то безумные деньги! Или, например, я никогда не играл Шекспира. С удовольствием сыграл бы что-нибудь из "Хроник".

— Есть ли такие режиссеры, о которых вы думаете с тоской, поскуливая: "Эх, почему же он не приглашает меня работать?"

— Их, к сожалению, уже нет: нет Висконти, нет Феллини...

— А ныне живущие?

— О них я думаю без тоски. У них еще есть время — они однажды сами догадываются, какого актера просмотрели! Дай Бог им здоровья и сил, чтобы дожить до этого момента.

Беседу вела
Светлана ПОЛЯКОВА
Фото ИТАР-ТАСС